

ВЛАДИМИР ВЛАДМЕЛИ

РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ

Владимир Владмели
Римские каникулы

«Автор»

2020

Владмели В.

Римские каникулы / В. Владмели — «Автор», 2020

Герои рассказов В.Владмели - наши современники. Они спорят со своим начальством, ссорятся и мирятся, переживают горе и радости, победы и поражения. Автор с тонким юмором описывает их жизнь, но отсмеявшись над забавными эпизодами, иногда хочется плакать. Эта трагикомедия человеческого существования сопровождает героев книги и на родине, и в эмиграции.

© Владмели В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Происшествие	5
1.	6
2.	9
Прекрасный возраст	12
Слово офицера	15
Моя любимая тёща	21
Эмиграция	24
1.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Владмели **Римские каникулы**

Происшествие

(Советский Союз, Москва, 1970е годы)

1.

Я ужасно себя чувствовал, и мне очень не хотелось выходить из дома, а поскольку еды у меня не было, я позвонил своему лучшему другу.

– Серёга, привет. Это Женя говорит. У меня ангина, я хотел бы её вылежать. Ты можешь мне продукты привезти?

– Конечно, привезу, жди.

Вскоре в моей квартире раздалась звучная соловьиная трель. Это была моя гордость: электронный дверной звонок собственной конструкции и я ожидал, что Сергей непременно спросит, где я его взял. Я думал, что ему на это ответить, но открыв дверь, увидел двух незнакомых мужчин.

– Вы Александр Иванович? – спросил один.

– Какой ещё Александр Иванович, – недовольно ответил я, пытаясь захлопнуть дверь, но незваный гость был уже в квартире.

– Еще кто-нибудь дома есть? – спросил он.

В городе в последнее время участились квартирные кражи и жителям советовали не открывать незнакомым людям, но я занимался боксом и был уверен, что в любой ситуации смогу за себя постоять. Отправив вошедшего в нокдаун, я уже готов был разделаться и с его напарником, но тот успел набросить мне лассо на руку и дернул на себя. Меня выбросило на лестничную площадку, а первый нападавший аклимавшись, стал тащить меня в квартиру. Я сопротивлялся, как мог, но вору действовали очень слаженно. Все мои попытки вырваться оказались безуспешными, и один из них стал давить на сонную артерию. Он лишь чуть-чуть промахнулся, но я притворился, что теряю сознание. Нападавшие поддались на уловку и немного расслабились. Я воспользовался этим и, вырвавшись, бросился на лестничную площадку, однако уйти от преследователей не успел. Они вновь навалились на меня и потащили обратно в квартиру. Я решил, что дома меня наверняка убьют, и уперся ногой во входную дверь. Грабители пытались меня связать, но схватив одного из них за пальцы, я стал их выламывать. Бандит взвыл, однако его сообщник добрался-таки до сонной артерии и моя хватка ослабла.

Понемногу начали собираться соседи. Близко они не подходили, но на сражение смотрели с интересом, а из боковой квартиры, приоткрыв дверь на всю длину цепочки и удобно устроившись на стуле, за дракой наблюдала баба Настя. Рядом, покачиваясь и икая, стоял её сын Саша.

– Помоги-и-ите, – кричал я, – мили-и-и-цию!..

Одежда моя была изорвана, лицо в крови, а глаза, и без того болезненно слезившиеся, сверкали сумасшедшим блеском.

Нападающие в кратких промежутках между бросками, захватами и попытками меня связать, сказали соседям, что они санитары из психоперевозки и приехали за пациентом, а у подъезда их ждет машина. Соседи послушно выглянули в окно – там, действительно, стояла «Скорая», потом они перевели взгляд на дерущихся и под пальто увидели белые халаты.

Я же машины видеть не мог, а халаты меня не убедили. Ведь наиболее изощрённые домушники ходили на дело с инструментами водопроводчика или в костюмах Снегурочки и Деда Мороза.

Соседи продолжали наблюдать за происходящим. До сих пор никто из них не видел, как фиксируют психа. Правда, до сих пор они и меня считали нормальным, но ведь чего в жизни не бывает. Тем более, выглядел я, действительно, странно: небритый, взлохмаченный, со слезящимися глазами. Возможно, по их мнению, такие глаза не могли быть у нормального человека.

– Милицию, – хрипел я, уже не в состоянии сдержать натиск санитаров. После длительной борьбы им удалось затолкнуть меня в квартиру и связать.

– Ну что, – спросил один из них, когда я уже беспомощно лежал на полу, – позвоним шефу?

– Нечего звонить, и так всё ясно, – ответил другой, – только паспорт надо взять.

Он обшарил комнату взглядом и, обращаясь ко мне, спросил:

– Где документы, дурила?

Я молчал, твёрдо решив продать свою жизнь как можно дороже. Когда один из нападавших подошёл к телефону, я оттолкнулся грудью от пола и, изловчившись, так укусил его за ногу, что сразу же уперся зубами в кость. Они стали бить меня, чем попало и куда попало, но я только сильнее сжимал челюсти.

***

Очнулся я на кровати, руки и ноги мои были развязаны. Я с трудом дотянулся до телефона, набрал 02 и сказал, что меня пытались ограбить.

– Фамилия?

– Брускин.

– Адрес?

– Железнодорожная 1, квартира 27.

– Сейчас приедем.

Голова у меня кружилась, меня тошнило, а правый бок болел так, как будто были переломаны рёбра. Я пошел в ванную и поставил голову под холодную воду. Стало немного легче. Я накинул полотенце на голову и собрался лечь, но в этот момент зазвонил телефон.

– Товарищ Брускин?

– Да.

– Дежурный Фролов, тридцать пятое отделение милиции. Выяснили мы ваше дело. Это не ограбление. Люди, которых вы не хотели пускать – санитары из психоперевозки. Они перепутали Железнодорожную улицу и Железнодорожный проезд. Так что всё в порядке, можете не беспокоиться.

– Конечно, всё в порядке, – сказал я, – только у меня сотрясение мозга, перелом двух ребер и синяки по всему телу, – я перевел дыхание: мне трудно было говорить, однако, я все-таки закончил, – но разве это повод для беспокойства?

Повесив трубку, я вызвал "Скорую".

– Что у вас? – спросили меня.

– Перелом двух ребер и сотрясение мозга.

– Где это вас так угораздило?

– Ваши коллеги из психушки поработали.

– А вы у них на учете?

– Нет, это они по ошибке.

– Адрес?

– Улица Железнодорожная 1, квартира 27. Только не спутайте с Железнодорожным проездом. Там как раз и живет их клиент.

Повесив трубку, я стал переодеваться. Простые движения давались мне с большим трудом, и вся процедура заняла около получаса. Не успел я её закончить, как запел мой электронный соловей. Наученный горьким опытом, я взял молоток и заковывал к двери.

– Кто там?

– Открой, это Марков.

По голосу я узнал друга своих родителей Виктора Николаевича Маркова, который был участковым терапевтом и иногда подрабатывал на «Скорой». Войдя, Виктор Николаевич вни-

мательно посмотрел на мою избитую физиономию, разорванную одежду и остановил взгляд на молотке.

– Что случилось? – спросил он.

Я рассказал.

– Ложись, я тебя посмотрю. Только сначала молоток отдай.

***

На следующий день позвонил Сергей.

– Алло, Женя? Ты еще не выздоровел?

Я набрал воздуха, желая высказать своему приятелю всё, что о нём думаю, но глубокий вдох больно отозвался в правом боку и я лишь сказал:

– Нет, не выздоровел, а пока ты ехал, на мне испытали новое лекарство и теперь у меня кроме ангины ещё сотрясение мозга и перелом двух ребер.

– Ну и шутки у тебя, старик.

– Это не шутки, старик.

– Ну, не мог я вчера приехать, извини. Ты знаешь, иногда бывает такое стечение обстоятельств, что трудно поверить.

– Знаю.

– Но сегодня, я кровь из носу к тебе приеду.

– Не надо, старик, ко мне уже приезжали и кровь из носу пустили.

2.

Когда я пришёл к врачу, он сказал:

– Я смотрел рентген, у тебя все рёбра целы.

– Отлично, – обрадовался я, – но тело у меня ломит так, что я не могу пошевелиться.

– Это нормально, ты ведь дрался с двумя здоровыми мужиками и, судя по всему, довольно долго, а это большая физическая нагрузка, после неё мышцы и должны болеть.

Я вспомнил, что иногда после длительных тренировок я чувствовал то же самое.

– Я выпишу тебе бюллетень на две недели, – сказал Марков, – а ты подай на санитаров в суд.

– Так ведь они меня по ошибке.

– Какая разница, ты на себя в зеркало посмотри.

Вернувшись, я так и сделал, а затем после некоторых колебаний позвонил в психоперевозку.

– Да, мы уже знаем, – сказала секретарша, – бригаде объявили выговор и лишили квартальной премии. Они хотели приехать к вам извиниться, но не знали, когда вы будете дома.

– После их визита далеко ходить я не могу, так что могут приезжать в любой момент.

– Одну секундочку, они только что вернулись с вызова, передаю им трубку.

– Добрый день, дорогой, – раздался бархатный голос, – ты уж нас извини, мы ведь не со зла, да и то лишь после того, как ты у моего напарника пол ноги откусил. Теперь он по твоей милости с палочкой ходит, и уколы от бешенства делает.

– Так ведь у вас работа такая, не бей лежачего.

– Ха-ха-ха, – а ты остряк. Как тебя зовут?

– Женя.

– Так вот, Женя, ты лучше нам посочувствуй, ведь если сумасшедшим что-нибудь придёт в голову, у них силы удесятерятся и с ними даже тренированным людям не сладить. У нас такие случаи бывают, рассказать – не поверишь.

– Расскажи, поверю.

– Хорошо, дорогой, к концу дня мы заедем к тебе с бутылочкой. Или ты спирт предпочитаешь? У нас ведь чистый, медицинский.

– Да, я не знаю...

– Ну, хорошо, жди нас часов в семь.

– Ну и ну, – подумал я, не зная, что делать: то ли накрывать на стол, то ли подавать в суд.

А может сначала выпить, а уже потом в суд.

Я лёг на диван и задумался...

Проснулся я через несколько часов и, ничего не решив, вышел на улицу. На лавочке у подъезда сидела баба Настя.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Нормально, – ответил я, с трудом удержавшись, чтобы не добавить «старая карга».

– Да, здорово они тебя отделали, но ты на этом можешь хорошо заработать.

– Я своим здоровьем не торгую.

– Ну и зря. Мой бы Сашка их так просто не отпустил. Мы бы с них тыщ десять сорвали.

– С этих бы не сорвали.

– Почему?

– Потому что они из КГБ, они только маскировались под скорую помощь, знаете как в сталинские времена.

– Что же ты такого сделал? – насторожилась баба Настя.

– Я ничего не делал, это они за Сашкой приезжали, они и меня первым делом спросили, не я ли Александр Иванович?

– А что им от него надо? – спросила баба Настя, которая слышала этот вопрос.

– Говорят, он в магазине выражал недовольство политикой партии в области цен на спиртное.

– Это он по пьяному делу, кто ж это всерьёз принимает?

– Вот вы им и объясните, когда приедут.

– А что, они собираются приехать?

– Да вот они, – кивнул я на подъехавшую раньше времени машину. «Скорая» остановилась и из неё вышли два санитары. Один из них шёл с палочкой и сильно прихрамывал.

Баба Настя с необычным для её лет проворством побежала к себе, растолкала сына, велела ему быстро одеться, спуститься по балконам на улицу и ехать в деревню. Саша, не проспавшись и не опохмелившись, понял только, что ему надо от кого-то бежать и, наскоро одевшись, вышел на балкон. Санитары между тем подошли ко мне.

– Привет, жертва ошибки. Ты прекрасно выглядишь для больного, на тебе пахать можно, пойдём, отметим знакомство. Они взяли меня под руки и не торопясь повели наверх, развлекая по дороге историями из своей практики. Около самых дверей нас остановил крик, раздававшийся с улицы:

– Помогите, спасите, врача!

Санитары переглянулись и, не сговариваясь, побежали вниз. При этом укушенный забыл и про боль в ноге и про палку. Я медленно пошёл за ними. Меня обогнала баба Настя, которая первая оказалась около своего сына. Она размахивала своей клюкой и, не подпуская санитаров, истошно голосила:

– Не дам, Сашка ничего не делал. Это вам не тридцать седьмой год, чтобы без суда и следствия. Вы должны ордер на арест показать. Товарищи, помогите, невинного человека с балкона сбросили, а теперь в тюрьму забрать хотят.

– Что ты мелешь, старая. Мы из «Скорой», – сказал один из санитаров.

– Знаю я вашу «Скорую», вы уже одного чуть на тот свет не отправили, теперь за другим приехали. Вас все видели, все засвидетельствуют, что вы тут творите!

– Как же, засвидетельствуют, – злорадно подумал я и посмотрел на окна своего дома. Как и накануне соседи с интересом наблюдали за происходящим, но вызывать милицию никто не торопился. Только хозяин клумбы, в которую упал Саша, высунулся из окна и сказал:

– Правильно вы его взять хотите, товарищи. По нему уже давно тюрьма плачет, он не первый раз мои цветы ломает. Его надо изолировать.

– Тебя самого надо изолировать, мичуринец, – закричала баба Настя.

***

К врачу я пошёл через неделю.

– Что, уже выздоровел? – спросил Марков.

– Да.

– Это санитары тебя уговорили на работу выйти?

– Виктор Николаевич, из-за этого случая им выговор вкатили, премии лишили и в должности понизили.

– А ты у них прощения попроси.

– Они тут не при чём, просто мне дома сидеть надоело.

– Ладно, если ты так хочешь, я тебя выпишу, а друзьям твоим из психоперевозки скажу, что не зря они за тобой приезжали. У тебя действительно с головой не всё в порядке. На Наполеона, ты, конечно, не потянешь, но если тебе отрезать ухо, то за Ван Гога сойдёшь.

***

Произошло это очень давно, но слова врача до сих пор беспокоят меня, и иногда я думаю: «А действительно, всё ли у меня в порядке с головой». После этого я обычно смотрю в зеркало и, убедившись, что оба уха на месте, успокаиваюсь. Конечно, с моей головой всё в порядке. Не хватает только треуголки, мундира и эполет.

Прекрасный возраст

(Советский Союз, Москва – Новосибирск, 1970е годы)

Моя мама не жаловала своего младшего брата. Она часто повторяла, что терпеть его можно было только в детстве, да и то лишь потому, что он хорошо ел и много спал. Потом он вырос и стал несносным мальчишкой, достоинствами которого оставались крепкий сон и хороший аппетит. Затем он поступил в институт, поселился в общежитии, стал намного меньше спать и значительно больше пить. О его похождениях я узнавал лишь из обрывков случайно услышанных разговоров и, когда дядя впервые появился у нас дома, я начал с интересом его рассматривать.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Пять, – ответил я.

– Какой прекрасный возраст, – сказал он.

– Что же в нём прекрасного? – подумал я, – мне приходится выполнять любое требование родителей. Я должен есть кашу с молоком, которую терпеть не могу и идти в койку, когда меня сна ни в одном глазу. Только я один в нашей семье всё и должен, а остальные её члены лишь развлекаются. Отправив меня спать, они вместе с гостями усаживаются вокруг стола и начинают пировать, но в их меню не входит ни каша, ни молоко. Немудрено, что у них развязываются языки, и они обсуждают вещи, которые явно не предназначены для моих ушей. На прошлой неделе, например, они говорили о чём-то очень интересном. Я напрягся изо всех сил, но разобрать ничего не мог. От обиды я заплакал и потребовал, чтобы меня посадили за общий стол, а оказавшись рядом со взрослыми, сказал, что хочу есть. Обычно, чтобы накормить меня, мама прибежала к крайним мерам. Она зажимала мне нос и, когда я открывал рот для вдоха, всовывала в меня кашу с молоком. Потом, правда, я это выплёвывал, но в тот вечер, для того чтобы послушать разговоры гостей, я глотал всё подряд. За своё любопытство я заплатил жестокой болью в животе и трёхлитровой клизмой, но мои мучения были вознаграждены и я узнал много нового.

Примерно такие мысли бродили в моей маленькой голове, однако выразить их словами я не мог. Дядя, однако, почувствовал, что я с ним не согласен и сказал:

– Ты просто ещё не понимаешь, у тебя действительно прекрасный возраст. Живи и радуйся.

– Не хочу радоваться, – возразил я, – хочу как ты, жить в общаге и ходить по блядам.

Он захохотал, хлопнул меня по плечу и сказал, – не спеши, всё у тебя будет.

Я поверил ему и стал ждать, но время тянулось ужасно медленно и в моей жизни не происходило никаких достойных внимания событий. Родители продолжали воспитывать меня в строгости и аскетизме. Дядя же, по контрасту, жил полной жизнью. Он окончил институт, устроился в какую-то наладочную контору и очень часто ездил в командировки. Однажды в Новосибирске он подрался и попал за решётку. Сам он утверждал, что защищал девушку, к которой приставал какой-то хулиган, но, поскольку пострадавшим оказался сын мэра, суд признал дядю виновным и несколько лет я его не видел. Потом он женился и осел в Новосибирске. Встречались мы с ним редко, но каждый раз я с удовольствием слушал его рассказы. Они нравились мне ещё и потому, что сам я рос тихим и послушным и всегда завидовал его лихости.

Иногда он спрашивал, сколько мне лет, и вне зависимости от ответа, говорил, что это прекрасный возраст. Я же энергично ему возражал. У нас это стало своего рода игрой.

В очередной раз мы встретились лет через десять. В то время я болезненно переживал очередную любовь. Она хоть и не была первой, но, так же как и все предыдущие, оставалась

платонической. Именно это было главным источником моих страданий и, когда при встрече дядя по традиции полюбопытствовал, сколько мне лет, я язвительно ответил:

– Сколько бы ни было, это прекрасный возраст.

– Конечно, – согласился он и, внимательно посмотрев на меня, спросил, – что случилось?

Я рассказал о своих страданиях, надеясь, что он научит меня вести себя с женщинами, а он вместо этого хлопнул меня по плечу и сказал:

– А ты женись, тогда кончатся твои мучения.

Я обиделся и ничего ему не ответил.

Потом из послушного мальчика я сделался застенчивым и влюбчивым юношей. Увлечения следовали одно за другим, а взаимностью мне так никто и не отвечал. И только в 20 лет прекратилась цепь моих любовных неудач. Моя избранница великодушно согласилась выйти за меня замуж. Я был на седьмом небе от счастья, а родители, познакомившись с ней, хотели выгнать меня из дома. Даже всегда флегматичный отец заявил, что если мне так уж приспичило, я могу привести ЭТУ и жить с ней не расписываясь. Но ЭТА соглашалась переехать к нам только после того как у неё появится штамп в паспорте. Родители не могли найти себе места и однажды ночью я слышал, как мама жаловалась отцу, что я неопытный олух и меня окрутила какая-то шлюха.

– Декольте у неё до пупка, – говорила мама, – а показывать нечего. Грудь – второй сорт, рожа страшная, фигура как у Бабы Яги. Ей бы надо принять мусульманство, одеться в мешок и закрыться паранджой, а она своё уродство напоказ выставляет. Если бы наш лопух сравнил её с другими, он и сам бы в этом убедился, но в Советском Союзе даже борделей нет. Проклятая страна!...

– Да уж, – немедленно согласился отец, – бордели могли бы и разрешить.

Несмотря на недовольство родителей, я твёрдо стоял на своём и ни с кем не хотел сравнивать свою избранницу. Мы подали документы в ЗАГС, и я с нетерпением ждал свадьбы. Родители отказались принимать участие в торжестве и демонстративно укатили в отпуск.

В тот же день ко мне пришла невеста, а буквально через час после неё неожиданно появился и дядя. Он начал встречу с традиционного вопроса и, не дослушав ответ, сказал, какой у меня прекрасный возраст и как мне должно быть хорошо.

– Знал бы ты, что со мной вытворяют предки, ты бы так не говорил, – возразил я.

– Что же они, злодеи, вытворяют?

И я всё ему рассказал. Он выслушал меня, одобрил моё решение и заявил, что когда дело касается любви, нельзя никого слушать и надо действовать по велению сердца. Он, например, из-за своей жены сначала угодил в тюрьму, а потом переехал в Новосибирск. Теперь у него пятилетний сын и они прекрасно живут вдаль от столицы. Затем он с сожалением добавил, что не сможет присутствовать на моей свадьбе, но обязательно купит мне подарок.

Потом он исчез и появился часа через два с бутылкой шампанского и кожаной обложкой для паспорта, на которой были изображены серп и молот.

– Здесь ты будешь хранить самый главный документ, – сказал он, размахивая серпом и молотом, – давай его сюда, примерим. Я принёс паспорт, мы вложили его в кожаную обложку и распили шампанское. После этого дядя ещё раз поздравил меня и уехал. Его поддержка резко улучшила моё настроение, и я находился в эйфории до самой свадьбы. Только в ЗАГСе я обнаружил, что под серпом и молотом лежала аккуратно свёрнутая бумажка, на которой рукой дяди было написано:

Заявлять о потере паспорта бесполезно. Когда я ходил за свадебным подарком, я обо всем предупредил начальника паспортного стола. Самый главный документ ты получишь через полгода, когда я вернусь из экспедиции, а пока проверь свои чувства.

В то время не было интернета, и в конце предложения ещё никто не ставил смайликов, но я ясно представлял себе ехидно улыбающуюся физиономию дяди.

Невеста решила, что я всё это подстроил и порвала со мной всякие отношения. Я впал в депрессию и целую неделю не мог прийти в себя, а потом поехал в Новосибирск, чтобы сказать своему родственнику всё, что о нём думаю.

Но я не мог соперничать с ним ни в споре, ни в кулачном бою, ни по части выпивки, поэтому на следующее утро проснулся со страшной головной болью. С трудом открыв глаза, я увидел мальчика, который был очень похож на дядю и смотрел на меня с нескрываемым интересом.

– Сколько тебе лет? – спросил я.

– Пять, – ответил он.

– Какой прекрасный возраст, – пробормотал я, – ни с кем тебе не надо выяснять отношений, живи и радуйся.

– А я не хочу радоваться, – серьёзно ответил он, – я хочу как ты, найти какую-нибудь блядь и жениться.

Слово офицера

(Советский Союз, Ленинград, 1980е годы)

После каждого провала он долго гулял по городу. Так он пытался заглушить обиду, подавить злость или забыть горе. Он думал, как выйти из трудного положения, наказать обидчиков или отомстить врагам. Измотанный долгой ходьбой, он возвращался домой и ложился спать. Пережив первый, самый трудный день, он чувствовал, что утро действительно мудренее вечера, а потом время залечивало раны.

Он часто сталкивался с несправедливостью, а в детстве это означало, что он бывал бит, но синяки не очень расстраивали его, потому что и враги уходили после боя с отметинами его кулаков. Самую сильную обиду он испытал, когда в школе ему не дали золотую медаль. Он пошёл к директору и потребовал объяснений, ведь у него не было ни одной четвёрки. Директор выставил его из кабинета, заявив, что такую высокую награду дают только тем, кто ведёт большую общественную работу.

Как и раньше в подобных случаях, он ходил по городу до позднего вечера. Обида казалась особенно жестокой, потому что на сей раз была нанесена системой – врагом, которого он не мог победить. А на следующий день он вдруг подумал, что до сих пор ему всё-таки очень везло: ведь, несмотря на то, что во время своих прогулок он полностью отключался от действительности, он ни разу не столкнулся с прохожим, не попал под машину и не свалился в яму. Он даже ни разу не споткнулся. Наверно, в нём заложен такой же защитный механизм, как у лунатиков. Они ведь иногда ходят по гребню крыши, прекрасно держат равновесие и если их не будить, заканчивают поход без несчастных случаев. Скорее всего, и он на время становится сомнамбулой, а потом, отходя и отдумав своё, возвращается в реальный мир. У него, как и у них, срабатывает инстинкт самосохранения и он пересекает дорогу только на зелёный. Может, и по жизни надо идти также и не лезть на красный. Только ведь нет гарантии, что светофор в этой стране вообще когда-нибудь переключится, во всяком случае, для него, Евгения Натановича Рывкина.

Впрочем, в тот раз у него не было времени философствовать. Ему надо было готовиться к экзаменам в институт.

Поступив туда, он старательно учился, а на последнем курсе стал работать на кафедре. На преддипломную практику научный руководитель устроил его в НИИ, где он проводил эксперименты на самом современном оборудовании. Заведующий лабораторией помог ему обработать результаты и написать статью, которая с небольшими изменениями должна была появиться в авторитетном научном журнале. Вскоре заведующего лабораторией пригласили в Новосибирск на гораздо более высокую должность. Он предлагал Жене поехать вместе, но Женья не хотел бросать Ленинград, он очень любил свой город. Он рассчитывал остаться в НИИ, однако его не пропустил отдел кадров.

Рывкин обратился к своему научному руководителю. Тот обещал взять его к себе, а поскольку к моменту распределения вопрос ещё не решился, помог своему ученику получить свободный диплом.

Женью это вполне устраивало, и сразу же после защиты он со своей девушкой уехал в дом отдыха. Вернувшись, он взял все необходимые документы и пошёл на кафедру.

Шеф завёл Женью в свой кабинет и, когда они остались одни, сказал, что Женье не дали допуск, а без допуска он не имеет права работать над темой, которая связана с оборонной промышленностью. Оба понимали, что это отговорка. Год назад Женья работал без всякого допуска на той же кафедре и над той же темой. Правда, тогда он делал это бесплатно и ни в каких списках не значился. После неловкой паузы, чтобы подсластить пилюлю, шеф дал ему сигнальный

экземпляр статьи, сказав, что с такой рекомендацией он обязательно найдёт работу. Он только не уточнил где и когда.

Выйдя на улицу, Женя отправился в свою очередную лунатическую прогулку. Как обычно, он ничего не замечал вокруг, а мысли его перескакивали с одного на другое. Он оказался в очень незавидном положении – у него свободный диплом, а это значит, что он должен трудоустроиваться сам, но во время повального выезда евреев из Советского Союза вряд ли его возьмут в приличное место. Ведь из-за пятого пункта ему отказали даже там, где его хорошо знали.

Раскат грома вернул его к действительности и заставил посмотреть вверх. На небе висели низкие, тёмные тучи. С минуты на минуту мог начаться дождь, а у него не было ни плаща, ни зонтика и, чтобы не промокнуть, он вошёл в двери большого, мрачного здания. Оглядевшись, он увидел на стенах широкого коридора телефоны-автоматы, а в конце – проходную с несколькими вертушками.

– Ты к кому? – спросил единственный, оставшийся на посту, вахтёр.

– Я хочу переждать дождь, – хотел ответить Женя, но поняв, что это какое-то предприятие, сказал, – я пришёл устраиваться на работу.

– Ты с кем-нибудь говорил?

– Да, с женщиной из отдела кадров.

– Как её фамилия?

– Забыл.

– Растяпа, – проворчал вахтёр. Он хотел показать свою значимость и, глядя на Женю, тем же ворчливым тоном продолжил, – а ты знаешь, что это номерной завод и здесь у всех должен быть допуск.

– Нет.

– У тебя хоть паспорт есть?

– Конечно, – Женя протянул паспорт. Ему надо было выиграть время. Дождь уже начался, и было бы хорошо побыть здесь до его окончания.

Вахтёр взял паспорт, с важным видом полистал его и, вернув Жене, сказал:

– Пройди в отдел кадров и спроси Валерию Павловну.

Спрашивать Жене не понадобилось. Он сразу же понял, кто здесь главный. Начальница сидела за большим столом около окна. Женя подошёл к ней и остановился. Не прекращая разговаривать по телефону, она указала ему на стул. Ничуть не стесняясь своих сотрудниц, она откровенно флиртвала с собеседником. Сотрудницы, вероятно, уже привыкли к этому и продолжали заниматься своими делами. Через несколько минут Валерия Павловна положила трубку и вопросительно посмотрела на Женю.

– Я закончил ЛЭТИ и пришёл к вам, потому что у вас есть вакансии, – сказал он.

– Как вы об этом узнали?

– На кафедре говорили.

– Вакансии у нас действительно есть, – согласилась она, сняла трубку и, набрав трёхзначный номер, сказала:

– Пётр Николаевич. Тут у меня сидит выпускник ЛЭТИ, он каким-то образом узнал, что вам нужны люди. Вы можете с ним поговорить? ... да ... ладно ... хорошо, – она протянула трубку Женю.

– Здравствуйте, – раздался из трубки чуть хриплый голос, – скажите, пожалуйста, какова тема вашего диплома и где вы его делали.

Женя подробно ответил на вопрос, добавив, что его статья скоро должна появиться в научном журнале.

– Возьмите у Валерии Павловны анкету и попросите, чтобы вас проводили ко мне.

– Я всё слышала, – сказала начальница, вручая Рывкину бланк, – Таня, проводи товарища к Петру Николаевичу.

По дороге Жене удалось узнать, что предприятие, на котором он оказался, является закрытым учреждением Министерства Военно-Морского Флота, называется оно почтовый ящик 1793, а ведут его к начальнику отдела Веденееву. Имя начальника отдела Таня произнесла таким тоном, каким говорят о Господе Боге или уж, по крайней мере, об апостоле Петре.

Рывкин слышал о таких учреждениях. Они были гораздо богаче обычных НИИ, потому что являлись частью военно-промышленного комплекса. В них обычно входили как исследовательские лаборатории, так и опытные цеха. Чем конкретно здесь занимаются, Женя не понял, но это и неважно. Он действительно окончил ЛЭТИ и получил свободный диплом. Жаль только, что его сюда не возьмут. Сюда, наверно, даже из представителей коренного народа отбирают только таких, у которых нет родственников ни за границей, ни за решёткой. Что уж говорить про него, Евгения Натановича Рывкина. Руководитель этого военно-морского ящика, скорее всего адмирал, а начальники отделов – капитаны первого ранга. Интересно, какое звание у Петра Николаевича и до какого уровня добираются здесь гражданские. Наверно, если их назначают на очень высокую должность, то присваивают соответствующий военный чин, как спортсменам, играющим за военные клубы. Тем тоже дают очередную звёздочку за успехи на хоккейной площадке или на футбольном поле.

Вскоре они поднялись на третий этаж и остановились перед закрытой дверью.

– У этих ворот меня должен встретить сам апостол Пётр Веденеев, – подумал Женя, видя, как осторожно Таня стучит в дверь начальника.

Апостол в форме капитана первого ранга сидел за письменным столом и имел вид мужчины средних лет.

– Спасибо, Танечка, – сказал он, кивком головы отпуская девушку, и переведя взгляд на Женю, добавил, – садитесь.

Рывкин относился к военным настороженно и немного свысока, но Веденеев ему понравился. Казалось, что симпатия была взаимной.

– Жаль, что она продлится только до тех пор, пока он не узнает мою национальность, – подумал Женя.

Проговорили они почти целый час. За это время капитан первого ранга успел выяснить, в чём заключалась работа Рывкина на кафедре, какие предметы ему больше всего нравились в институте, чем он предпочитает заниматься в свободное время и есть ли у него девушка. Затем Веденеев мельком посмотрел сигнальный экземпляр статьи и спросил, что именно делал Женя в НИИ. Рывкин ответил, что он проводил эксперименты, обрабатывал результаты и подгонял теорию под полученные данные, а его шеф на кафедре осуществлял общее руководство, редактуру и помощь в публикации. Веденеев кивнул и сказал, что недавно его отдел получил большой заказ и ему нужны люди, которые могут работать, не глядя на часы. Зарплаты здесь хорошие, премии бывают часто и, пожалуй, единственным недостатком является то, что работников почтового ящика не выпускают за границу.

Женя хмыкнул: у него и так не было никаких шансов туда попасть.

– Я вижу, вас это не останавливает, – заметил Веденеев, – в таком случае заполняйте анкету.

Когда всё было готово, Веденеев просмотрел бумаги и сказал:

– В понедельник выходите на работу.

– Сначала я бы хотел получить на руки официальный приказ: раньше у меня были сложности из-за пятого пункта.

– Я с первого взгляда определил вашу национальность, – сказал Веденеев, – но я привык держать своё слово. Директор нашего учреждения знает о важности заказа и о нехватке исполнителей. Сегодня вечером он прилетит из отпуска, а завтра будет здесь. Возможно, он

сможет меня принять только во второй половине дня, у него много других дел, но до следующей недели мы всё обязательно уладим. На работу я вас беру совсем не потому, что я юдофил, а потому, что мне нужны хорошие специалисты.

– Давайте всё-таки подождём подписи начальника, – повторил Женя.

– Ев-ге-ний На-та-но-вич, – чётко выговаривая каждый слог, сказал Веденеев, – я даю вам слово русского офицера, что вы будете здесь работать. Приезжайте в понедельник к восьми утра и позвоните мне из проходной. Вот номер телефона, – он протянул Рывкину листок бумаги, – на всякий случай дайте мне сигнальный экземпляр вашей статьи. Я покажу её вашим будущим сотрудникам. Когда вы познакомитесь с ними, то увидите, что вы здесь не единственный, – он сделал многозначительную паузу, – и не волнуйтесь, всё будет в порядке.

Но Женя волновался. Конечно, уверенность будущего начальника вселяла надежду, но хоть это и военная организация и приказы старшего должны выполняться беспрекословно, отдел кадров и здесь мог его не пропустить. В нём работают люди из КГБ, а звания офицеров этого ведомства, по крайней мере, на один ранг выше, чем звания офицеров флота. Да и допуск ему никто не даст. Веденеев явно поторопился. Хотя, с другой стороны, он должен знать, с какими трудностями столкнётся при приёме еврея на работу. Он говорил, что среди сотрудников есть и другие инвалиды пятой группы, а они тоже должны были пройти отдел кадров.

В ночь на понедельник Женя никак не мог заснуть, а в семь утра уже был около почтового ящика 1793. Стоя на автобусной остановке, он наблюдал, как работники шли к проходной. Он то и дело смотрел на часы, но раньше назначенного времени звонить не хотел. Веденеев – военный человек и наверняка любит точность. Ровно в восемь Женя набрал нужный номер. Капитан снял трубку и сказал, что сейчас подойдёт к проходной.

Он тоже провёл бессонную ночь и причиной этого был разговор с руководителем почтового ящика.

Посмотрев анкету будущего сотрудника, директор, Аркадий Сергеевич Стеклов, отодвинул её и сказал, что подписывать не станет.

– Почему? – спросил Веденеев.

– Если этот Рывкин захочет уехать, у меня будут неприятности, да, кстати, и у тебя тоже.

– Если бы захотел, он давно бы уехал. Для него это самый удобный момент: высшее образование получил, платить ни за что не надо, можно начать жизнь без долгов и обязательств.

– Может перед отъездом он решил приобрести опыт работы.

– Маловероятно, после нашей конторы его несколько лет никто из Союза не выпустит.

– Чужая душа – потёмки, и каковы его планы, ты не знаешь.

– Не знаю, но у нас есть и другие потенциальные эмигранты, тогда их всех тоже надо поувольнять.

– Я их не принимал и никакой ответственности за них не несу.

– Рывкин придёт сюда в понедельник со всеми документами. Я обещал ему, что он будет здесь работать.

– Ничего страшного, когда он тебе позвонит, секретарша скажет, что тебя послали в долгосрочную командировку.

– А потом?

– А потом, если он сам не поймёт, можно будет сказать, что у нас урезали бюджет и закрыли тему.

– Я дал этому парню слово офицера и если вы его не возьмёте, я подам рапорт в Министерство.

– О чём?

– О переводе в любое другое место.

– Я и сам могу перевести тебя в другой отдел.

– Не смешно.

– А ты и не смейся, ты подумай. До следующей недели у тебя ещё есть время.

– Мне не о чем думать, а если у вас плохо со слухом, повторяю. Я дал этому парню слово русского офицера и...

– Молчать! – заорал Стеклов, хлопнув ладонью по столу, – если ты хочешь из-за какого-то сопляка уходить отсюда, катись к чёртовой матери, а сейчас мне некогда. Иди, пиши свой рапорт.

***

После этого разговора директор почтового ящика 1793 тоже не мог заснуть. Он уже давно привык к тому, что жизнь постоянно напоминала ему о его национальности, но, когда это случилось, старался отгонять от себя мрачные мысли. В большинстве случаев ему это удавалось, однако сейчас его разобрало. Ведь Аркадий Сергеевич Стеклов на самом деле был Аркадием Ароновичем Гутманом.

В начале войны, после того как во время бомбёжки погибли его родители, Аркашу взяла к себе соседка. Родственников у него не было, и он с благодарностью переселился к ней, тем более, что он дружил с её сыном. Потом он вместе с семьёй своего друга поехал в эвакуацию, а там соседка его усыновила, и он получил паспорт на фамилию Стеклов.

Глава семьи вернулся с войны на костылях. Чины и награды не облегчали его жизнь. Он видел, что был тяжёлым бременем для семьи и срывал свою злость на приёмном сыне, а потом, чтобы избавиться от Аркадия, устроил его в только что открытое Нахимовское училище. В положенное время Аркадий с отличием окончил училище и поступил в академию, а после неё быстро продвигался по службе. Не так давно в звании капитана первого ранга его назначили директором почтового ящика 1793. Это был прямой путь к адмиральским звёздам, и он хотел оградить себя от всех возможных неприятностей на этом пути.

До смерти приёмных родителей причиной неприятностей мог стать брат. Он был не такой способный, как Аркадий, гораздо менее старательный и очень завистливый. Его карьера не сложилась. Несмотря на помощь отца, он медленно продвигался по службе и во время редких встреч с Аркадием обязательно напоминал ему о его происхождении. Теперь это уже было не опасно, потому что других свидетелей усыновления почти не осталось. Что же касается национальности, Стеклову-Гутману и так никогда не давали о ней забыть.

В 50-е годы, учась в военной академии, он, атеист, благодарил Бога, что никто не знает его настоящей фамилии, которая совпадала с фамилией одного из «врачей-вредителей».

В 67 году он уже гораздо спокойнее наблюдал, с какой злостью советские средства массовой дезинформации поливали грязью «Израильскую военщину». В глубине души он испытывал гордость, слушая, как его коллеги отзывались об Израиле. Они не перестали быть анти-семитами, но не могли не отдать должное армии, разгромившей намного превосходящие её войска шести арабских государств.

Потом была война Судного Дня и другие, менее важные события, которые напоминали ему, кто он. И вот опять...

Рывкин, Рывкин, Рывкин. Может и стоило его взять, но это риск, а рисковать своим удобством и спокойствием Стеклов не хотел. К тому же, Рывкину всего 21 год, он себе что-нибудь найдёт, а если нет, то рванёт товарищ Рывкин из Советского Союза и поселится в нормальной стране.

– Так что своим отказом я оказываю ему огромную услугу, – решил директор, – жаль только, что мысль эта не пришла мне раньше. Тогда я бы выпался и чувствовал себя, как человек.

***

Веденеев подошёл к Жене, кивнул и протянул ему свой рапорт. Женя прочёл и удивлённо поднял глаза. Этот документ не имел к нему никакого отношения.

– Директор не стал подписывать твоё заявление, а я сказал, что если он этого не сделает, я подам просьбу о переводе. Я человек военный, по собственному желанию в отставку уйти не могу. Максимум того, что мне разрешено – это перейти в другое место.

У Жени всё внутри оборвалось, а на глазах появились слёзы. Он быстро опустил голову, разорвал рапорт и посмотрел по сторонам, делая вид, что ищет урну. Не найдя её, он отдал обрывки Веденеёву и, не прощаясь, направился к выходу.

Веденеёв встал по стойке смирно и приложил руку к козырьку.

Он впервые отдавал честь штатскому.

Моя любимая тёща

(Москва – Миннеаполис, конец 1970х – 2000 годы)

Я познакомился с ней много лет назад, когда впервые пришёл в её дом. Она открыла дверь и я на секунду замер: я должен был встретиться здесь с двадцатилетней девушкой, а эта женщина хоть и была весьма привлекательной, выглядела несколько старше.

– Галина Михайловна, – представилась она, протягивая руку.

– Владимир Борисович, – ответил я.

– Вера, это к тебе, – сказала она.

– Одну секундочку, я сейчас, – раздался из комнаты приятный голос, и почти тотчас же оттуда вышла Вера.

Я посмотрел на неё, потом на её мать и глазки у меня разбежались, но Галина Михайловна, пожертвовав собой, уступила меня дочери. Она чётко следовала указаниям партии – всё лучшее детям. Вскоре Вера стала моей женой.

Я переселился в их дом и жил там тринадцать лет. За это время я хорошо узнал все стороны характера своей тёщи. Конечно, я иногда бывал недоволен ею, но в такие моменты я старался думать, что именно ей Вера обязана своим появлением на свет. Галина Михайловна не только родила, но в очень тяжёлых условиях вырастила, воспитала и до конца жизни продолжала воспитывать мою жену. После её нравоучений Вера уже не замечала моих недостатков и иногда жаловалась мне на мать:

– Как она со мной разговаривает, ведь мне уже двадцать пять лет... двадцать семь... тридцать...

После тридцати Вера перестала называть свой возраст.

У Галины Михайловны были потрясающие кулинарные способности и удивительный талант общения. Её друзья бывали у нас так часто, что тесть иногда выражал недовольство. Тогда она начинала хандрить и жаловаться, что плохо себя чувствует. Продолжалось это до тех пор, пока знакомые не приходили её проведать. После их визитов ни еды в холодильнике, ни спиртного в заначке уже не оставалось, но зато тёща сразу выздоравливала. Она жаловалась лишь на то, что у неё не было времени подготовиться к приёму.

Как только стало известно о Чернобыльской аварии, она позвала к себе всех Киевских родственников, у которых были маленькие дети. Мы с Верой уже жили в собственной квартире и оказывали Галине Михайловне посильную помощь. Наблюдая, сколько времени, сил и денег она тратит, обслуживая всех своих многочисленных гостей, мы стали называть её жертвой Чернобыля. Тёща падала с ног от усталости, но, несмотря на это, продолжала учить мою жену.

– Ну как она может, – жаловалась Вера, – моей дочери уже семь лет... девять... одиннадцать...

Когда дочери исполнилось двенадцать, Вера решила вырваться из-под опеки матери и мы уехали в Америку, но через год Галина Михайловна последовала за нами и, хотя теперь она жила отдельно, взаимоотношения её с Верой остались прежними, да и сама она не изменилась. Она с такой же лёгкостью заводила друзей и с таким же удовольствием их принимала. У неё был удивительный дар и на то и на другое, а её кулинарные способности расцвели в Америке пышным цветом. Однажды мы с женой оказались в её квартире, когда её не было дома. Телефон там ни на минуту не замолкал, а когда жена снимала трубку, звонившие радостно говорили: «Привет, Галочка».

– Это Верочка, её дочь, – огрызалась моя жена, что ничуть не охлаждало их энтузиазма.

В тот день мы узнали много интересного из жизни русских эмигрантов старшего поколения, а по дороге домой Вера сказала:

– Моя мать родилась под счастливой звездой, всё у неё получается: и друзей у неё больше, чем у меня и готовит она вкуснее и здоровье у неё тьфу-тьфу-тьфу.

На протяжении долгого времени всё именно так и было, но однажды Галина Михайловна упала и сломала ногу. Врач сказал, что состояние не опасное, но встать с постели она уже не сможет.

– А если вы сделаете операцию? – спросила тёща.

– В вашем возрасте операция может быть летальной, а вероятность того, что вы снова будете ходить, не больше десяти процентов – ответил врач.

– Ну, что ты думаешь? – спросила меня тёща, когда он вышел.

– Десять процентов это мало, – осторожно ответил я.

Несколькими энергичными фразами она доходчиво объяснила мне, как сильно я ошибаюсь, и как невысоко она ценит моё мнение, а потом уже спокойнее добавила:

– Для тебя может и мало, а я без движения жить не смогу. Что это! И жить не живёшь, и умирать не умираешь. Нет уж, я буду оперироваться.

– вспомните сколько вам лет! – не удержался я.

– Помню, поэтому и не хожу к врачам, – ответила она и, подумав, добавила, – тем более что все мои врачи уже давно умерли.

На следующий день она дала мне лист бумаги, на котором было очень подробно описано её погребальное платье.

– Я уже обо всём договорилась с портнихой, – сказала тёща, – она знает мой размер. Нужно лишь купить материал и отдать ей. Сделать всё надо в самое ближайшее время, пока я ещё в состоянии примерить. Не могу же я допустить, чтобы оно сидело на мне, как на корове седло. Кстати, ты тоже на всякий случай должен подготовиться.

– Как?

– Придумать надгробное слово.

– А где вы хотите быть похороненной?

– А ты сделай мне сюрприз, – ответила она.

Я кивнул и помчался сначала в магазин, а потом к портнихе, но портниха стала жаловаться, что у неё много работы и лучше найти кого-нибудь другого. Я начал упрашивать и, в конце концов, она согласилась, но стоило это не меньше, чем платье голливудских звёзд. Пока портниха работала, я писал подобающую случаю речь. Тёще, между тем, сделали операцию и она начала поправляться. Через несколько дней я приехал её навестить, однако в палате её не было. Медсестра сказала, что она занимается лечебной физкультурой, а мне лучше на это не смотреть, потому что родственники обычно очень переживают, глядя, как физиотерапевты мучают их близких. Но я ответил, что посмотрю на это с удовольствием.

Галина Михайловна, преодолевая боль, делала всё, что ей говорил врач. Через три дня она уже ходила с ходунком, через неделю с палочкой, а через две недели опять начала воспитывать мою жену.

– Ну как она может, – привычно возмущалась Вера, – у меня уже внуку семь лет... девять... одиннадцать...

Когда тёща окончательно пришла в себя, мой приятель – редактор русской газеты в Чикаго стал умолять меня дать ему хоть какой-нибудь рассказик. Весь предыдущий месяц мне было не до занятий изящной словесностью, но приятель настаивал и чтобы отвязаться, я чуть переделал надгробное слово и отдал ему. Я рассчитывал, что Миннеаполис слишком далеко от Чикаго и газета к Галине Михайловне не попадёт, но я ошибся. Нашлись добрые люди, которые не поленились купить газету, привезти её сюда и показать тёще. Она с интересом прочла мой опус и сказала, что всё там написано правильно, кроме одного – ещё неизвестно, кто на чьих поминках гулять будет.

В течение последующих лет она несколько раз оказывалась в госпитале в критическом состоянии и каждый раз требовала сшить себе платье по последней моде.

– Это пусть другие лежат в гробу в белых тапочках, – говорила она мне, а я хочу в туфлях на высоком каблуке.

Наряды тёщи стоили нам целое состояние, а когда после очередного её воскрешения я вёз её из госпиталя, то почувствовал, что у меня покалывает сердце. Я хотел даже поехать в «Скорую», но жена сказала, что сначала надо посоветоваться со знающими людьми и позволила матери. Галина Михайловна заявила, что у меня к утру всё пройдёт, а вот у неё, между прочим, пустой холодильник, ей нечем принять гостей и она очень просит Веру привезти ей продукты.

К утру у меня действительно всё прошло, а жена, купив всякой всячины, отправилась к Галине Михайловне, чтобы приготовить ей обед. Вернулась она ужасно расстроенная.

– В чём дело? – спросил я.

– Мать впервые не учила меня жить, это плохой знак, – ответила Вера.

И действительно, на следующий день Галина Михайловна умерла.

Её поминки проходили у неё на квартире. И хотя мы с женой не смогли приготовить такие блюда, какие сделала бы она, мы пригласили всех её друзей и я уверен, что дух её радовался, глядя на них. Ведь они опять собрались там, где она принимала их, когда была жива, там, где всегда было вкусно и весело. Они очень тепло вспоминали о моей тёще, и это было самым лучшим сюрпризом, который я только мог ей сделать.

***

Надеюсь, что когда придёт мой час, она встретит меня в лучшем мире также хорошо, как встречала здесь, когда мы жили отдельно и приходили к ней в гости. Я же, со своей стороны, постараюсь дать ей достаточно времени подготовиться к этой встрече.

Эмиграция

(Рим – Миннеаполис – Нью-Йорк, 1990е – 2000е годы)

1.

В Италии мы оказались с перечёркнутым прошлым, неопределённым настоящим и очень туманным будущим. Мой приятель, снимавший для своей семьи двухкомнатную квартиру, освободил одну комнату для меня, и мы зажили так, как будто не выезжали из московской коммуналки. Поселились мы в Санта Маринело, который находился от Рима на таком расстоянии, что покупать билеты на автобус было непозволительной роскошью, а ездить без билетов – рискованной авантюрой. Пособия ХИАСа (1*) нам катастрофически не хватало, и я сразу стал искать работу, а через неделю уже батрачил на поле соседского фермера. Вскоре он называл меня «амиго» (2*) и, с присущим итальянцам темпераментом, помогая себе руками и мешая русские слова с английскими, рассказал, что во время войны был в России. Он помнил, как русские любят картошку и, чтобы облегчить участь эмигрантов, готов продавать её по сходной цене с доставкой на дом. Он будет мне чрезвычайно признателен, если я придумаю что-нибудь для привлечения покупателей. Я сказал, что одной признательности мне мало и в качестве гонорара потребовал недельный оклад. Он так образно показал мне, на что я могу рассчитывать, что я расхохотался. Он же, довольный собой, подобрел и обещал меня отблагодарить. На следующее утро я вручил ему своё произведение. Он тут же освободил меня от работы и начал репетировать. Слова мои он положил на музыку и после нескольких повторений, пел почти без акцента. Вдвоём мы нагрузили его небольшой грузовичок и поехали в Санта Маринело. Меня он высадил в самом начале центральной улицы, а сам, останавливая свою машину каждые 10 метров, вполне приличным речитативом пел:

«Русские, картошка,
хорошая картошка,
картошка, картошка,
дешевая картошка».

Картошка не была ни хорошей, ни дешёвой, да и мы не были русскими, но торговля у него шла бойко. На следующий день он уже сделал три рейса, а потом стал скупать картошку у своих соседей и продавать во всех близлежащих русскоговорящих пригородах. Накормив эмигрантов картошкой, он рассчитался со мной, превратил свой грузовичок в базар на колёсах и продавал уже всё подряд. В моей песне слово «картошка» он заменял нужным фруктом или овощем.

Гонорара, полученного от него, нам с женой хватило, чтобы съездить с экскурсиями на Юг и Север Италии. Мы спешили посмотреть всё, что можно, предполагая, что нас не сегодня-завтра отправят в Америку. А торопиться, как оказалось, было некуда.

Пока мы ждали решения своей участи, в Советском Союзе первый секретарь ЦК, горбатый борец за трезвый образ жизни, объявил свою страну свободной и демократической. Поданные, поймав его на слове, хлынули из России бурным потоком, который грозил смести всё на своём пути. В ответ президент Буш закрыл Америку. Наше положение стало отчаянным. Итальянский язык не понимал никто, английский знали единицы, но и они могли рассказать нам только о событиях глобального значения, которые нас не интересовали. Нам было гораздо важнее узнать, когда Госдепартамент даст нам добро на въезд в Штаты. Мы находились в Италии на птичьих правах: ни гражданства, ни денег, а после того, как отказы посыпались один за другим, среди эмигрантов стали распространяться самые нелепые слухи. Наиболее активные создали комитет по борьбе за въезд в Америку. В том, что Соединённые Штаты должны нас принять, сходились все: евреи и пятидесятники, отказники и диссиденты, верующие и атеисты. Сомнение в этом выражали лишь американские власти. Они разрешали въезд только прямым родственникам. Большинство же эмигрантов выехало из Советского Союза по липовым вызовам, к фиктивным родственникам в государство Израиль. Это большинство было очень

напугано и начало настоящую войну, в которую скоро оказались вовлечены все эмигранты. Мы съезжались в Рим на демонстрации протеста и, объединившись, представляли собой грозную силу, особенно в свободном от КГБ мире. Количество, как учили нас в школе, перешло в качество и мы уже не боялись ни Бога, ни чёрта, ни Папы Римского, ни крёстного отца. А когда какой-то умник из наших посчитал, что в тюрьмах вечного города для нас не хватит мест, мы перестали бояться и римской полиции. Мы целыми днями носили перед Американским посольством транспаранты и скандировали лозунги, в которых требовали пустить нас в Америку. Это была настоящая осада. Работники посольства выходили за его пределы только в сопровождении карабинеров и только в случае крайней необходимости. Папа-Буш, недавно выигравший войну в Персидском заливе, самонадеянно считал себя самым могущественным человеком в мире и к бывшим советским подданным относился свысока, но мы оказались страшнее террориста Саддама. Мы гордо называли себя борцами итальянского сопротивления и сражались с отчаянностью гладиаторов. За право въезда в Штаты мы готовы были разорвать в клочья кого угодно и не в Колизее, а прямо на улицах Рима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.